

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГОДЪ II.

ХАРЬКОВЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ 28 ФЕВРАЛЯ (12 МАРТА) 1882 ГОДА.

№ 404.

Отдѣльные №№ „Южного Края“ продаются по 6 к.

„Ю Ж Н Ы Й К Р А Й“

1882 года.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакция газетъ помещается въ г. Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1-й; для личныхъ объявленій по хѣткамъ газетъ открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ дня. Статьи, доставляемыя въ редакцію, должны быть непременно за подписью и съ адресомъ автора. Статьи, доставляемыя безъ обозначенія узловой, признаются безименными. Статьи, признанныя удобными для печати, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Мелкія статьи, замѣтки и корреспонденціи, неудобныя для печати, уничтожаются.

Главная контора редакцій въ Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Харьковского Университета, № 7-й. При „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Изюмича, принимаются подписки и объявленія; открыта въ будни отъ 8 час. утра до 7 час. вечера, а въ воскресенье и праздничные дни отъ 11 до 4 час. дня.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: въ Петербургѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Невскомъ проспектѣ, № 27; въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ Эмилъ Гарты, на Невскомъ проспектѣ, № 22; въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровскѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Петковской; въ Варшавѣ—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френкель, на Сенаторской улицѣ, № 22; въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. И. Федорова; въ Одессѣ—въ книжныхъ магазинахъ В. И. Бѣлого и Е. П. Рапопова; въ Полтавѣ—въ книжномъ магазинѣ Р. И. Бойно-Розенвича и въ Кременчугѣ—у почтиска И. Ф. Зильберберга. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ—у Havas, Lafite et Co, Place de la Bourse.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ	Безъ дост.	Съ дост.	Съ перес.	На 6 мѣс.	Безъ дост.	Съ дост.	Съ перес.
11 мѣс.	10	50	12	12	50	12	50
10 мѣс.	10	50	12	12	50	12	50
9 мѣс.	10	50	12	12	50	12	50
8 мѣс.	10	50	12	12	50	12	50
7 мѣс.	10	50	12	12	50	12	50
6 мѣс.	10	50	12	12	50	12	50
5 мѣс.	10	50	12	12	50	12	50
4 мѣс.	10	50	12	12	50	12	50
3 мѣс.	10	50	12	12	50	12	50
2 мѣс.	10	50	12	12	50	12	50
1 мѣс.	10	50	12	12	50	12	50

Допускается расписка платежа за годовую подписку, по согласенію съ редакціей.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

„ОБО ВСЕМЪ ПО СИЛѢ РАЗУМѢНІЯ“

ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОЧЕРКИ

К. Н. ЯРОША.

Цѣна 50 коп., съ пересылкою 75 коп., книгопродавцамъ уступка.

ПРОДАЕТСЯ: въ Харьковѣ—въ типографіи М. Зильберберга, Рыбная улица, домъ № 25-й; въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Ослобина, на Крещатикѣ; въ С.-Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ М. Стасюлевича и газеты „Новостей“, Невскій проспектъ.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „РОССІЯ“

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Сполна оплаченный основной капиталъ 4.000.000 р. с.

Правленіе имѣетъ честь объявить, что оно учредило въ г. Харьковѣ главное агентство общества и назначило тамъ главнымъ агентомъ Исаака Яковлевича Рубинштейна.

Ссылаясь на вышеприведенное объявленіе и согласно данному имъ полномочию, имѣю честь довести до всеобщаго свѣдѣнія о пріемѣ имѣющаго агентство страхового общества „Россія“, по харьковскому и полтавскому губерніямъ.

Общество открыло уже свои операціи по страхованію отъ огня, и въ конторѣ агентства можно заключать страхованія недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ, всякаго рода: домовъ, фабрикъ, машинъ, мебели, товаровъ и проч., по самымъ умереннымъ преміямъ. Пожелавъ главное агентство поименованнаго въ Театральной площади, въ домѣ И. О. Рубинштейна, и открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 10 часовъ утра до 3 часовъ по полудни.

Главный агентъ Исаакъ Яковлевичъ Рубинштейнъ.

ДѢЛО ПЕРВОЙ ВАЖНОСТИ.

Жизнь наша—вѣчный грѣхъ прирочный.

Послѣдніе небесныхъ картъ,

Клеймо судьбы, позоръ свободы...

Байронъ.

Мнѣ неважно жить и смерти жажда...

Гете („Фаустъ“).

I.

Какъ желтая, сухая листва, покрывающая осенью деревья и наполняющая дубравы травянистыми, мертво-сухими и холодными шестестомъ, свѣжее, съ наступленіемъ весны, зеленою мощью всевозможныхъ отбѣтновъ, какъ солнечный лучъ умираетъ сегодня на западѣ, чтобъ завтра воскреснуть на востокѣ, какъ волна прилива, перегоняя другъ друга, сшибать овладѣть каменитой отшелью берега, чтобы, въ свое время, пѣвась и прыгая по камнямъ, отскочить обратно,—такъ переменяются въ жизни людей ощущенія горя и радости, печали и наслажденія. Въ шумѣ радостныхъ криковъ слышится подавленный вздохъ, во мракѣ души, пощипанной печалью, загорается искра надежды, время испѣливаетъ старая раны и приноситъ новыя, звукъ похороннаго колокола сближается съ игривымъ мотивомъ и душевная роза распускаетъ бутонъ, склоняясь надъ мраморной, могильною плитой... Такова человеческая жизнь, съ ея переменяющимися минутами и часами; такова она сегодня и завтра, въ прошедшемъ и въ будущемъ, такова она подъ естественнымъ, зеленымъ платомъ жилища первобытнаго человѣка, подъ классическимъ портикомъ, подъ готическими сводами, среди треска, шума и гамы жилищей суетливыхъ новѣйшихъ временъ. Въ этомъ отношеніи всѣ столѣтія равны, ни одно не можетъ похвалиться передъ другимъ, и сѣдая, морщинистая древность протягиваетъ руку, какъ равная равной, блестящему молодости и здоровьему настоящему и будущему...

Какъ ни поэтична такая философія, мы не могли бы однакоже принять ее въполнѣ. Правда, въ вопро-

сѣ о счастьи и несчастьи, о наслажденіи и страданіи, мы до сихъ поръ вращаемся среди произвольныхъ и нерѣдко превратныхъ толкованій пессимизма и оптимизма; правда, мы все еще не имѣемъ надежныхъ масштабовъ въ видѣ тщательно изученныхъ свойствъ и проявленій человеческого духа,—потому, что наука въ этомъ отношеніи все-таки еще не далеко откопала отъ тѣхъ временъ, когда разсужденія о „душѣ“ оперировали аллегоріями о „гидрѣ, львѣ и разумномъ существѣ“. Но мы, по крайней мѣрѣ, имѣемъ твердое убѣжденіе касательно опредѣленнаго, поступательнаго движенія судебъ человечества, касательно смѣны нравственныхъ фазисовъ идущихъ другъ за другомъ эпохъ. Это убѣжденіе и знаніе спасаетъ насъ отъ ложнаго представленія исторіи человечества въ видѣ колѣца или змѣйки „хвостикомъ въ ротъ“, это убѣжденіе и знаніе не позволяютъ успокоиться на теоріи общаго смѣненія, общей нравственной инволюции, рѣзкой, это убѣжденіе, такимъ образомъ, открываетъ возможность и налагаетъ обязанность внимательно наблюдать особености, какъ пережитыхъ, такъ и переживаемыхъ временъ. Какими характерными чертами настоящаго? Откуда эти черты возникли? Что скрывается за собой, таинственно, но все же не наглухо спущенная завѣса будущаго,—вотъ серьезныя, любопытныя и не невозможныя вопросы, которые являются звукомъ, лирическимъ содержаниемъ, съ точки зрѣнія очерченнаго выше всеобщаго воззрѣнія. Конечно, не невозможныя перечисленныя вопросы не уменьшаютъ ихъ сложность и трудность. Поэтому, задаваясь ими, обыкновенному смертному приходится довольствоваться частичными, какъ бы—мерцающимъ освѣщеніемъ ихъ въ своемъ сознаніи, вмѣсто категорическаго ихъ разрѣшенія.

II.

Въ чемъ же заключаются выдающіяся свойства нравственной фазисовъ нашей современности? Исходнымъ пунк-

Сегодня, въ воскресенье, 28-го февраля.

ВЪ ЗАЛѢ ДВОРЯНСКАГО СОВѢЩАНІЯ

ДАНЪ БУДЕТЪ

ДУХОВНЫЙ КОНЦЕРТЪ

СЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЮ ЦѢЛЮ

ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ

А. Е. ЛИТИНСКАГО.

ПРОГРАММА:

Отдѣленіе первое.

- 1) Ирмосъ Успенію. Воротниковъ.
- 2) Херувимская пѣснь. Львова.
- 3) „Да молчатъ всякая плоть“. Гривовича.
- 4) „Воспойте Господу пѣснь новую“ (4-хъ голосный концертъ). Бортинскаго.

Отдѣленіе второе.

- 5) „Достойно есть“ № 2-й. Львова.
- 6) „О Тебѣ радуется“. Бортинскаго.
- 7) „Отче нашъ“. Бартъ.
- 8) „Дивныя въ помощи“ (4-хъ голосный концертъ). Бортинскаго.

Начало концерта въ 8 час. вечера.

Билеты заблаговременно можно получать въ библиотекѣ Изюмича, въ книжномъ магазинѣ Сырки и въ магазинѣ г. Лисковска на Рыбной улицѣ и Николаевской площ., а въ день концерта съ 3-хъ часовъ по полудни, при входѣ въ залъ. 2—3

Судебная медицина Э. Гофмана.

См. объявленія.

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 27 февраля 1882 года.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ.

Иванъ Николаевичъ Пона, Л. Хитрово.

Дѣйствіе правительства.

Извѣстная хроника: Изъ городской жизни.

Телеграммы (отъ спеціальнаго корреспондента „Южнаго Края“, отъ „Международнаго телеграфическаго“ и другихъ газетъ).

Послѣднія извѣстія.

Внутреннія извѣстія: Корреспонд. „Южнаго Края“ изъ Таванроа, Пашиневича—на Дону и Мерфи.—Извѣстія другихъ газетъ: изъ Воронежъ, Курмана и Чиринскаго изъда.

Политическое обозрѣніе.

Судебная хроника: Засѣданіе особаго присутствія правительствующаго сената съ 9-го по 15-е февраля 1882 г. (продолженіе).

Смѣсь.

Календарь.

Фельетонъ: Дѣло первой важности, К. Яроша.

Стороннее сообщеніе.

Объявленія.

ХАРЬКОВЪ,

27-го февраля 1882 г.

Кто-то сказалъ, и не безъ основанія, что главныя развитія „восточнаго вопроса“ касаются двухъ пунктовъ: береговъ Нила и береговъ Дуная.

Дѣйствительно, событія послѣднихъ лѣтъ постоянно собирали именно здѣсь

наиболѣе густыя тучи на политическомъ горизонтѣ Востока, сдвигавшагося, по множеству причинъ, столь близкимъ къ Западу. Новѣйшія извѣстія, повидимому, имѣютъ „нѣсколько“ успокоительный характеръ по отношенію къ Египту, хотя на Балканскомъ полуостровѣ къ прежнимъ грознымъ признакамъ броженія внутри и давленія извнѣ (отъ Австріи) присоединяется новый серьезный симптомъ: вооруженія Порты. Съ безпокойствомъ приходится ожидать перваго наступленія тепла и ясны, когда можетъ начаться съ усиленною настоятельностью военная борьба между противниками неравнаго могущества, во равной вражды другъ къ другу. Къ безпокойству отъ такого ожидаемаго присоединяется еще одинъ вопросъ, полный глубокаго интереса и искренней тревоги: минетъ ли тогда эта горькая чаша нашу Россію? Но даже говоря о египетскомъ узлѣ восточнаго вопроса въ его современномъ развитіи, мы не рѣшаемся окончательно переходить на сторону оптимистовъ.

Всѣмъ о будто бы измѣнившимся настроеніи новаго вояды преторіанцевъ въ древней землѣ фараоновъ (т. е. о рѣшеніи Араби-бея не нарушать установленнаго порядка вещей),—всѣмъ эти, по нашему мнѣнію, ни мало не служатъ къ обезпеченію дѣйствительнаго сохраненія нынѣшняго status quo, столь важнаго для нѣкоторыхъ могущественныхъ членовъ „европейскаго концерта“. А если это вѣрно, тогда, вмѣстѣ съ скептицизмомъ относительно рыцарскаго соблюденія внезапно выходящаго уваженія къ status quo со стороны предприимчиваго африканскаго полковника, возникаетъ сомнѣніе на счетъ только-что высказаннаго министромъ Фрейне намѣренія на счетъ политики невмѣшательства со стороны Франціи.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь со дня на день могутъ возникнуть такіа событія въ Европѣ и въ Африкѣ, что положеніе Франціи и Англіи относительно Египта и многихъ другихъ мусульманскихъ странъ далекаго и близкаго Востока сдѣлается похожимъ на позицію человѣка, который вудалитъ въ удержаться отъ движенія сверху внизъ, заставъ очень скользкій пунктъ на сильно наклоненной плоскости. Чего хочется и куда ведетъ свои дѣла на Востокѣ Турція? Основательно ли то нѣсколько гасконское пренебреженіе, которое высказывается нѣкоторыми официальными

политиками и публицистами извѣстныхъ литературныхъ кружковъ къ несомнѣнно существующему движенію между всѣми исповѣдниками корана,—движенію, получившему уже выразительное названіе „пан-исламизма“? Въ какую сторону Востока, и съ какими цѣлями глядятъ Италія и Германія, столь недавно еще бывшія актерами въ той странной мистеріи средневѣковаго стила, которая была поставлена на сцену рукою Бисмарка, съ ярлыкомъ: „Возстановленіе папства“? Не представитъ ли возможность извлечь пользу для Германіи изъ того, если актеръ, разыгравшій здѣсь столь любимую имъ роль Рейнеке Фукса, захочетъ умиротворить своего обманутаго компарса-Италію выдачею какой-либо цѣнности изъ чужого кармана въ широкой, но уже разодранной одеждѣ „большаго восточнаго человѣка“?

Наконецъ, что скажетъ въ качествѣ послѣдняго слова та небезопасная сила олигархіи, опирающейся на солдаты, въ чей выходъ выступилъ и стоитъ до сихъ поръ египетскій подражатель испанскихъ генераловъ—авторъ прописантосовъ, т. е. самъ Араби-бей, нынѣ заявляющій смиреніе чуть ли не онандскихъ пустынножителей?

Каждый изъ этихъ вопросовъ указываетъ на одну изъ нитей спутаннаго клубка восточныхъ дѣлъ. Неожиданное движеніе каждой изъ этихъ нитей нитей можетъ дать совершенно иной ходъ крайне напряженному состоянію взаимныхъ отношеній между различно-заинтересованными сторонами. Чего хотятъ хедивъ и европейскіе комиссары (Блиннеръ и Кольбергъ), того едва ли захотятъ египетскіе нотабли, руководимые пылкими полковниками и недовольные придирчивымъ контролемъ „неверныхъ“ франковъ надъ денежными дѣлами страны, гдѣ издавна отождествлялись понятія „ума“ и „важнѣйшаго“, гдѣ недавно еще чашка кофе съ примѣсью неопредѣленной жидкости быстро, оканчивала личныя смоты могущественныхъ особъ въ государствѣ съ „неудобнымъ“ министромъ финансовъ. Но развѣ такой разладъ осуществится въ Египтѣ, то онъ поведетъ ко всѣмъ своимъ послѣдствіямъ, т. е. къ хищенію вмѣсто экономіи и честности въ государственной казнѣ, къ уничтоженію всего хорошаго, что сдѣлано за это время подъ влияніемъ европейцевъ, со включеніемъ превосходной судебной реформы и мѣръ, осла-

бившихъ эксплуатацію народную массу. Однимъ словомъ, съ устраненіемъ контроля Англіи и Франціи, поставленъ будетъ ребромъ весь коренной вопросъ о политическомъ вліяніи этихъ державъ на африканское побережье Средиземнаго моря съ Суэзскимъ каналомъ, т. е. съ ближайшимъ путемъ въ Индію.

Спрашивается: будетъ ли тогда, съ одной стороны, соблюденіе уваженія вліятельныхъ людей къ status quo въ Египтѣ? Съ другой стороны, будетъ ли выдержанъ паролъ о невмѣшательствѣ въ дѣла Египта государственными людьми Англіи и Франціи? Есть здѣсь много основаній для отрицательнаго отвѣта. Но тогда сама собою и моментально сводится къ очень малой величинѣ успокоительность вышеуказанныхъ новѣйшихъ извѣстій, и „восточный вопросъ“ опять начинаетъ освѣщаться злобѣющимъ свѣтомъ и возлѣ фараоновскихъ пирамидъ, и у подножіи Балкановъ.

Г. Кояловичъ выступилъ въ „Новомъ Времени“ (№ 2153) съ обличеніемъ „польскихъ пакостей“ противъ русскаго народа. „Пакости“, о которыхъ говоритъ почтенный историкъ, заключаются въ томъ, что какой-то живущій въ Петербургѣ полякъ, котораго авторъ не называетъ по фамиліи, пригласилъ (какимъ образомъ—неизвѣстно) „бѣлорусскихъ юношей возлюбивъ ихъ родину, развивать ея самообытность и сближаться съ народомъ“. При этомъ „коварный“ анонимъ увѣряетъ, что его соотечественники даже и не помыслили объ ополченіи Бѣлоруссіи. И вотъ, по этому то поводу, г. Кояловичъ и столь нужнымъ ударить въ набатъ. „Не вѣро дружбѣ поляка“, сказалъ еще Пушкинъ. Но, согласитесь, что отъ „дружбы“ до „пакостей“ не одинъ шагъ. Г. Кояловичъ пугаетъ насъ „новомъ смуту“, а между тѣмъ самъ же увѣряетъ, что у поляковъ теперь одно стремленіе осуществить программу Крашевскаго—„возсоздать старую Польшу литературнымъ способомъ“. А если такъ, то нѣтъ смысла бдѣть при мысли объ „интригѣ“. Въ укронационализмѣ и бѣлорусофильствѣ она встрѣтитъ совершенно достаточный отпоръ. Съ этимъ слѣдовало бы согласиться и г. Кояловичу, еслибъ онъ былъ послѣдователенъ. Вѣдь самъ же онъ говоритъ: „Хочешь всегда оставить поляка въ дуракахъ, даже сдѣлавшись кажущимся другомъ его“.... „Для честнаго

рѣшается, однако, тотчасъ же, что составляетъ отнюдь не исключеніе.

III.

И въ самомъ дѣлѣ. Общественная жизнь людей образованнаго класса даетъ прекрасныя иллюстраціи къ намѣченнымъ выше чертамъ. Безудержная веселость, безпачаточная удаля, высокая оцѣнка жизни и ужасъ смерти—отодвинулись куда-то вдалѣ, уцѣлѣли только гдѣ-то внизу, въ нижнемъ слое общества, въ области „благеннаго невѣдѣнія“, въ царствѣ какихъ-то негнѣсныхъ хорошево и бесмысленнаго заливания радости и гора водкой, въ непонятномъ круговоротѣ жизни, гдѣ работаютъ, чтобы ѣсть и ѣдятъ, чтобы работать. Но, какъ только мы поднимаемся надъ этимъ нижнимъ, отсталымъ слоемъ, тотчасъ же начинаемъ ощущать все болѣе и болѣе пронизывающій холодъ. Наконецъ, на извѣстной высотѣ, мы чувствуемъ себя въ атмосферѣ льда, тишины и скуки. Крикливое шніе, выражающееся прямо, само собой, шутка, внезапная какъ молнія, и остра, какъ серпъ, громкіе взрывы смѣха—все это сюда не доносится болѣе снизу, все это строгаише здѣсь запрещено. Здѣсь требуются манеры плавныя, выраженія мягкія, слова и движенія возможно меньше выразительныя и откровенныя, радость и горе умѣренныя. Не нужно, однако же, считать эти законы деспотически навязанными: нѣтъ, они родились на фактической почвѣ, они согласуются съ духомъ среды, они опираются на господствующіе вкусы, они не стѣсняють, а только порицають. Можно сказать, что эти законы исполняются не „за страхъ, но за совѣсть“, исполнѣ въ сомнѣніи. „Быть можетъ—думаетъ онъ, все это мое личное достоинство, мои лишь субъективные мысли и ощущенія, продуктъ аномаліи моей душевной структуры. Быть можетъ объ этомъ, дѣйствительно, всего лучше сообщить врачу, какъ-то сочувствуетъ пессимистамъ суровый не по разуму Смайльсъ?“ Оглядываясь кругомъ, онъ

отся бесплатно. 6—3

у. Харьков, 27 февраля 1882 г.